

Таблица 1

Количественный анализ по группам детей

<i>Показатель</i> <i>Методика</i>	<i>Высокий</i>		<i>Средний</i>		<i>Низкий</i>	
	<i>1 гр. (с наруш. зрением)</i>	<i>2 гр. (с норм. зрением)</i>	<i>1 гр. (с наруш. зрением)</i>	<i>2 гр. (с норм. зрением)</i>	<i>1 гр. (с наруш. зрением)</i>	<i>2 гр. (с норм. зрением)</i>
«Нелепые изображения»	60%	70%	40%	30%		
«Найди отличие»	80%	85%	15%	15%	5%	
«Классификация»	85%	95%	15%	5%		
«Какая фигура не подходит»	80%	95%	15%	5%	5%	

Таблица 2

Качественный анализ по группам детей

<i>Группы детей</i>	<i>Высокий уровень развития</i>	<i>Средний уровень развития</i>	<i>Низкий уровень развития</i>
<i>I</i> Дети с нарушением зрения	63 %	34 %	3 %
<i>II</i> Дети с нормальным зрением	78 %	22 %	—

Литература

- Анисимова, Н. Л. Психологическая помощь детям с нарушениями зрения в дошкольном учреждении / Н. Л. Анисимова, Л. И. Солнцева // Дефектология. – 2002. – № 4.
- Боровик, О. В. Методические рекомендации к пособию «Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей» / О. В. Боровик, С. Д. Забрамная. – М.: ВЛАДОС, 2003.
- Григорьева, А. П. Развитие восприятия у ребёнка с ослабленным зрением / А. П. Григорьева. – М.: Школа-Пресс, 2002.
- Плаксина, Л. И. Теоретические основы коррекционной работы в детских садах для детей с нарушением зрения / Л. И. Плаксина. – М.: Город, 1998.
- Якунин, Г. А. Развитие, обучение и воспитание детей с нарушением зрения / Г. А. Якунин. – М.: Просвещение, 1990.

УДК 159.923:130.3

О. С. Парахневич, А. Г. Портнова

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К СМЕРТИ (РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

И рождение, и смерть – естественные события индивидуального жизненного пути, но их эмоциональное воздействие и личное значение существенно различимы. Рождение нового человека часто предвкушают с приятным волнением и оптимизмом; думать же о смерти люди избегают и даже отрицают ее реальность [11].

Традиционно тема смерти является запретной, о ней предпочитают не говорить, объясняется это тем, что человек еще не разобрался в собственном отношении к смерти. Если разговор все же неизбежен, люди стараются прибегать к эвфемизмам, говоря об умершем человеке «он нас оставил» и т. д. Таким образом, избегая этой темы, человек лишь мешает себе выработать к ней реалистическое отношение. Только разобравшись в своем отношении к смерти, как считают К. Байер и Л. Шейнберг, человек способен правильно организовать собственную жизнь. Осознание феномена смерти отражается на всех жизненных планах личности.

Социолог Ричард Кейлиш объединил некоторые из взглядов людей на смерть в следующие категории.

1. Смерть как организатор времени. Осознание факта, что жизнь не бесконечна, влияет на то, как человек использует свое время. Если бы жизнь длилась бесконечно, то людям не нужно было бы использовать систему приоритетов, но поскольку временные ограничения жизни существуют, такая программа необходима, и в соответствии с ней принимаются решения. Таким образом, людей разного возраста перспектива смерти организует поразному.

2. Религиозные взгляды на смерть. Догмы любой религиозной системы содержат те или иные представления о смерти. Одни религии рассматривают смерть как наказание за грехи, освобождение от страданий или как переход к лучшему существованию, другие – как переход из одной жизни в другую. Почти все религии обещают загробную жизнь

в том или ином виде или новое воплощение [9]. Религиозная ориентация человека (или его безверие) влияет на его отношение к смерти.

3. Смерть как утрата. Смерть приносит человеку бесчисленные утраты: утрату сознания, последующего опыта, всех любимых людей, мест, предметов и самого бытия. Никакое другое событие в жизни не наносит человеку столь полный ущерб. Независимо от того, наступает смерть внезапно или в результате длительной болезни, на наше отношение к ней сильнее всего влияет ожидание полной потери всего [3].

Многие проходят через ряд хорошо различимых стадий приспособления к умиранию, пока, наконец, не почувствуют себя в силах признать смерть финальной стадией человеческого развития.

На сегодняшний момент, отношение к смерти является одной из важнейших проблем, с которой человек непременно сталкивается в своей жизни. Мнение многих заключается в том, чтобы дожить до 85 лет в полном здравии, закончить начатое и безболезненно умереть [11].

Всю жизнь человек сталкивается с событиями, которые формируют его отношение к смерти и влияют на это отношение. Человек слышит, как смерть обсуждают дома и в средствах массовой информации. Аварии, болезни, все это напоминает об уязвимости. Восприятие подобных событий влияет на отношение общества к смерти.

В отношении к смерти людей, смертельно или тяжело больных и близких этих людей, велика потребность в физической помощи, но еще больше эти люди нуждаются в помощи эмоциональной, психологической. На физиологическом уровне смерть представляет собой необратимое прекращение всех жизненных функций. На психологическом уровне она имеет личную значимость и личное значение для самого умирающего и его родных и близких, по мнению Г. Крайг, умереть – значит прекратить чувствовать, покинуть любимых людей, оставить незаконченными дела и уйти в неведомое.

Такие танатологи, как Роберт Кэвэнау и Элизабет Кюблер-Росс, провели ряд исследований. Эти исследования доказали, что умирание – нечто большее, чем физиологические симптомы.

Кюблер-Росс выделила в процессе приспособления к мысли о смерти 5 стадий.

1. Стадия отрицания. Человек отказывается принять возможность своей смерти и занимается поисками других, более обнадеживающих мнений, диагнозов.

2. Как только человек осознает, что действительно умирает, его охватывает гнев, обида и зависть к окружающим – наступает стадия гнева. Умирающий испытывает состояние фрустрации, вызванное крушением всех его планов и надежд.

3. На стадии торга человек ищет способы продлить жизнь, дает обещания и пытается договориться с Богом, врачами, медсестрами или другими людьми, чтобы отдалить развязку или облегчить себе боль и страдания.

4. Когда ничего выторговать не удастся или время истекает, человека охватывает чувство безна-

дежности. Наступает стадия депрессии. На этой стадии умирающий человек сожалеет о том, что уже потерял, о предстоящей смерти и расставании с родными и близкими.

5. На финальной стадии принятия человек смиряется со своей судьбой и спокойно ожидает развязки [11, с. 902; 17, с. 285].

Но не все люди проходят через эти стадии, и только некоторые проходят их именно в такой последовательности. На реакцию умирающего оказывают влияние многие факторы, это и культура, и религия, и личность, и собственная философия жизни, а также продолжительность и характер заболевания. Одни испытывают гнев и депрессию до самой смерти, другие приветствуют смерть как освобождение от боли и одиночества. Прохождение процесса умирания индивидуально, и нет универсальной последовательности стадий [11].

Присутствие в семье смертельно больного человека прекращает привычные формы деятельности, возникают эмоциональные и финансовые трудности. В зависимости от того, насколько успешно семья их преодолевает, строятся дальнейшие взаимоотношения родственников и близких умирающего человека.

Кюблер-Росс описала стадии, через которые проходят близкие друзья и родственники умирающего человека, они очень похожи на те, которые проходит сам умирающий. Сначала родные отрицают наличие тяжелой болезни своего родственника. На этой стадии, общаясь друг с другом, тема о надвигающемся несчастье является закрытой. Затем неопределенность вызывает у них тревогу, депрессивные состояния. Впоследствии близкие умирающему человеку люди впадают в гнев, который чаще всего направлен на медицинский персонал или на тех, кто ухаживает за больным, а также и на самого больного, обвиняя его в происходящем [11].

У людей, которым не грозит скорая смерть, больше времени на то, чтобы привыкнуть к мысли, что когда-нибудь они все же умрут. Свои последние годы они вспоминают прошлое и заново переживают старые радости и горести. Батлер считает, что это обозрение жизни является очень важной ступенью, на которую индивидуум поднимается в конце своего жизненного пути. В старости человек сильнее стремится к самосознанию, этот процесс часто ведет к настоящему росту личности: решаются старые конфликты, переосмысливается жизнь и открывается что-то новое в себе. Только в ситуации с реальным приближением смерти человек может твердо определиться в отношении того, что для него имеет особую важность, и кто он есть на самом деле [11].

Если смерть внезапна, то на обозрение жизни просто нет времени, но и болезнь, сопровождающаяся сильнейшими болями и ограничением подвижности, тоже не оставляет достаточного количества времени, чтобы приспособиться к смерти [6; 11].

Смерть и умирание как психологическая проблема очень мало изучена. Все, на что можно опираться – это история и культура древних. Изучая

проблему смерти и умирания в психологии современного общества необходимо прежде всего рассмотреть отношение к ней в культурологическом контексте. Смерть – важнейший компонент культуры, и в этом качестве она получает отражение в коллективном сознании в виде относительно устойчивых значений [11].

Таким образом, мы предполагаем, что особенно отношения к смерти могут быть связаны с принадлежностью к той или иной культуре, религии.

Психоаналитическая теория утверждает, что испытывать тревогу или страх при мысли о собственной смерти нормально. Согласно результатам различных исследований, то, насколько большинство людей боятся собственной смерти или поглощены мыслями о ней, часто зависит от значения, которое человек и его культура придают смерти [11, с. 900].

Так, например Т. А. Гаврилова описывает исследования П. Ганд, которые касаются проблемы роста религиозно-мотивированного терроризма. Их исследования показывают, что наиболее низкую танатическую тревогу обнаруживают представители ислама, в то время как христиане имеют наиболее выраженную обеспокоенность по поводу личной смерти, представители, исповедующие индуизм занимают промежуточное положение в этой иерархии [5].

Д. В. Ольшанский в своей работе «Психология терроризма» пишет о том, что религиозный терроризм, основанный на исламском экстремизме, пришел на смену политическому насилию 1980-х годов, которое руководствовалось националистическими или сепаратистскими требованиями. Терроризм – это завершающее звено в довольно сложной цепочке: радикализм – экстремизм – фанатизм – терроризм. Все начинается с некоторых крайних, радикальных взглядов и позиций людей. Эти взгляды строятся на основе отвержения предыдущих традиций, устоев, ценностей.

Крайняя степень радикализма и экстремизма проявляется в фанатизме. Это особое психическое состояние, характеризующееся полным неприятием любых иных взглядов, за исключением своих собственных. В основе фанатизма всегда лежит вера, не просто противостоящая рациональному восприятию, а полностью заменяющая его.

Вся история религиозных учений говорит о том, что смерть «праведников» и смерть «грешников» протекает по-разному. «Праведник», как бы засыпает и «отходит» с миром. Смерть «грешников» окрашена ужасом и отчаянием. Получается, что люди трудившиеся, отзывчивые, добрые умирают мирно, чувствуя приближение смерти, не боясь ее, а принимают спокойно. Иллюстрацией тому служат множество примеров из истории: И. П. Павлов до последней минуты вел строгое наблюдение за состоянием своего организма, фиксируя и комментируя все, что в нем происходило. Петрарка умер с пером в руке, за работой. Отдыхая после работы, умерли Маркс, Фарадей, Бор [23].

Отношение к смерти современного человека обусловлено, культурно-историческим аспектом, это обнаружила Штрёбе, изучив с коллегами универсальность реакций горя. Некоторые реакции,

считающиеся в человеческом обществе нормой, могут не разделяться большинством скорбящих, а быть всего лишь выражением культурных традиций. Рассмотрим, как же связано отношение к смерти на современном этапе с культурой и историей различных стран и эпох [11].

Уже в древнем Риме слово «смерть» казалось зловещим. Древние римляне предпочитали выражение «он перестал жить», немцы говорили «отозван», а англичане – «он присоединился к большинству» [23, с. 96].

В одних культурах умирание означает переход на ступень вверх в социальной или космологической иерархии, в мир предков, могучих духов или полубогов. В других – это переход в благословенное существование в солнечных сферах либо в мирах богов [6].

В человеческой культуре посмертный мир четко разделен на две области, включая в себя, наряду с «небесами», «преисподнюю» и «чистилище». В своей книге С. Гроф пишет: «Путь души после смерти к желанной цели чреват опасностями и испытаниями различного типа. Для его благополучного завершения необходимо знание картографии и законов иного мира. Поэтому многие из культур выработали сложные обряды, знакомящие человека с опытом смерти. Во все времена в различных культурах существовали ритуалы, в ходе которых люди испытывали мощное переживание смерти в символической форме» [6]. С. Гроф подчеркивает, что общей чертой таких ритуалов является изначальная двусмысленность отношения живых к мертвым и вера в загробную жизнь. Одни обряды направлены на облегчение и ускорение процесса перехода умерших в мир духов, другие – установление связи между живыми и мертвыми с целью обеспечить свою безопасность и получить покровительство, третьи – могут быть одновременно интерпретированы и как помогающие мертвым в их посмертных путешествиях, и как мешающие им вернуться [6].

Согласно описаниям антропологической литературы, глубокие переживания смерти приводили как к удручающему осознанию временного биологического существования, так и к озаряющему постижению вечной духовной сущности человеческого сознания [19]. Ритуалы такого рода выполняли две важные задачи: с одной стороны, человек должен был осознать, что его ожидает процесс трансформации, в результате которого откроется новый способ познания мира, и с другой стороны, ритуалы служили подготовкой к настоящей физической смерти.

Были созданы специальные «руководства», объясняющие, как действовать при соприкосновении со смертью, рассматриваемой как на символическом уровне в русле духовной практики, так и на уровне физической гибели биологической оболочки. На сегодняшний день известны следующие «пособия» – Тибетская «Книга мертвых», собрание погребальных текстов, определяемые как «Египетская книга мертвых», и литературное произведение средневековой Европы, известное как «Искусство

смерти». Тибетская «Книга мертвых» записана около VIII в. В ученых кругах индийского Востока книгу знали давно, но европейцы открыли ее только в XX столетии. «Каждый человек должен уметь умирать правильно», - этому учит древний текст [7].

В ходе сложных ритуалов, исполняемых по таким случаям, как рождение, совершеннолетие, свадьба, рождение ребенка, перемена в жизни, смерть, люди учатся испытывать переходы с одной стадии жизни на другую, умирать для одной роли и рождаться, входя в другую. Во многих обрядах используются галлюциногенные средства, с помощью которых человек, участвующий в этом обряде, переживает смерть и возрождение, сравнимые с практикой древних храмовых мистерий. Всякое соприкосновение с умиранием и смертью, переживаемое в рамках этих ритуалов, может рассматриваться живущими людьми как серьезная психологическая и экспериментальная подготовка к решающему переходу в момент смерти [11; 12; 20]. В подобном обществе сознание клана, племени превалирует над отчетливым «я» личности. Именно этот фактор и делает утрату индивидуальности, происходящую в момент умирания, менее болезненной по сравнению с протеканием аналогичного процесса в культурах, где сильна привязанность к «эго». Однако выпадение человека из системы социальных связей гомогенного общества может оказать серьезное воздействие и на живущих. Процесс умирания и смерть в условиях «общины» предполагает как оказание коллективной поддержки умирающему, так и выражение горя и гнева со стороны провожающих его в последний путь. Ведь они теряют важного члена социальной группы, связанной изнутри [6; 20].

Особая разновидность веры в продолжение существования после смерти – концепция реинкарнации. Помимо принципа внетелесного посмертного существования индивида, в ней признается возможность возвращения к материальному возрождению в иной форме. Вера в реинкарнацию существует в таких культурных и религиозных структурах, как философия и религия Индии, космологические системы различных племен индейцев Северной Америки, философия Платона и неоплатонизм, орфический культ и другие мистические религии Древней Греции, а также раннее христианство. В индуизме, буддизме и джайнизме эта вера объединена с законом кармы, согласно которому качество личной инкарнации определяется заслугами и грехами человека, имевшими место в предыдущем рождении [6]. Условная оценка жизни и смерти может подвергнуться пересмотру и измениться на противоположную по отношению к доминирующим европейским концепциям. В этом случае процесс умирания станет восприниматься как событие более важное, нежели жизнь. Это верно, по мнению С. Грофа, для некоторых философских или религиозных систем, включающих веру в реинкарнацию. В них период умирания – событие огромнейшего значения, так как позиция умирающего определяет качество всей будущей инкарнации, а сущность и ход следующего воплощения являются актуализацией способа смерти [6]. В других системах жизнь воспринимается как

наказание, а смерть как воссоединение, освобождение или возвращение «домой». Таким образом, для индуса смерть – пробуждение от мира иллюзий (майя) и возможность для индивидуальной души (дживы) реализовать и испытать свою божественную природу (Атман-Брахман).

Что касается психологической связи с умершим, то она прослеживается во многих культурах. В Японии сооружаются алтари, посвященные памяти предков, на которые приносится пища. Японцы разговаривают с предками и верят, что те их слышат [13; 20]. В Египте поощряется сосредоточенность родных покойного на своем горе. В китайской культуре в случае смерти бабушки или бабушки, внук или внучка соответствующего возраста должны вступить в брак или завести ребенка. В современной Европе рассматривается вера в посмертное существование и концепцию загробного странствия души как выражение примитивных страхов людей, лишенных преимуществ научного знания [13; 20]. Однако более пристальное внимание к собственной культуре выявляет полное отрицание и пренебрежение всем, что относится к смерти. Каждому приходится переживать смерть близких родственников и, наконец, столкнуться с фактом собственной бренности и биологической смертности. Но обычай называть ребенка именем умершего родственника остался и сейчас. Новое рождение знаменует обновление и преемственность поколений [11].

Филипп Арьес – французский историк, антрополог, философ, описал развитие представлений о смерти на протяжении тысячелетия, а также описал модели смерти в своей книге «Человек перед лицом смерти». Исходной гипотезой была та, которую ранее предложил Эдгар Морен о наличии связи между отношением человека к смерти и его самосознанием, его индивидуальностью. Эта гипотеза и была той самой путеводной нитью, которая вела его через огромную массу документов, наметив маршрут, которому он следовал от начала до конца и, оглядывая разом целое тысячелетие, это пространство оказалось упорядоченным благодаря простым вариациям четырех психологических элементов: самосознание; защита общества от дикой природы; вера в продолжение существования после смерти; вера в существование зла.

В результате были выделены следующие модели смерти: «прирученная смерть»; «смерть своя»; «смерть далекая и близкая», «смерть твоя», «смерть перевернутая».

В первой модели представлены все четыре параметра: смерть не является актом только индивидуальным (и жизнь тоже), смерть заставляет общество сплотиться в борьбе с дикими силами природы, смысл «прирученности» смерти в том, что конец жизни не совпадает с физической смертью человека; смерть ощущается как интимно близкая, привычная, ритуализованная, она как бы говорит о неотделимости зла от сущности человека – миф о грехопадении отвечал всеобщему ощущению присутствия в мире зла [2].

Начиная с XI века, эта модель смещается в сторону второй модели – «смерть своя» и является результатом «смещения смысла человеческой судьбы в сторону индивидуального начала». Это приводит к экзальтации индивидуальности, безумной любви к жизни и всему земному. Представление о продолжении существования после смерти проникнуто страстью «быть собой», человек стал ощущать несоответствие своей души и тела, идея бессмертной души овладела умами и все шире распространяться с XI по XVIII век. Даже слова «смерть» и «умер» заменяются другими: «Бог его душу взял», «отдал Богу душу». Появляется практика завешания и окончательного «запирывания» мертвого тела [3; 11].

Но уже в XVI веке начинают складываться предпосылки для появления модели – «переворачивание» смерти, которая выражается в страхе смерти как боязни быть похороненным заживо, боязни, которая подразумевает, что есть некое смешанное и обратимое состояние, сочетающее жизнь и смерть.

В XIX веке, определяющим в модели смерти, становится изменение индивидуального самосознания – до сих пор его составляющим было чувство общности с другими («все умирать будем») и чувство собственной специфической индивидуальности («смерть своя»). В XIX веке и то, и другое ослабевают, уступая место третьему чувству – «чувству другого, но близкого человека». Отсюда модель «смерть твоя».

«Страх умереть самому в значительной мере сменяется страхом разлуки с «другими», с теми, кого любишь. Древнее тождество между смертью и физической болью, моральным страданием, грехом нарушается. Рай становится местом, где воссоздаются земные чувства и привязанности, где им гарантируется вечность [3; 11].

Сегодняшняя модель смерти определяется сильно выраженным чувством ее приватности, индивидуальной принадлежности. «Сейчас массовое общество восстало против смерти. Точнее, оно стыдится смерти, больше стыдится, чем страшится, оно ведет себя так, как будто смерти не существует». Стыд этот и есть в то же время прямое следствие окончательного ухода зла. Еще в XVIII веке было поставлено под сомнение существование «дьявола». Вместе с идеей ада стало исчезать понятие «грех». Медицина устранила болезнь и страдание. Но если нет зла, что же тогда делать со смертью? Общество сегодня предлагает два ответа: один банальный и один аристократический. Первый – массовое признание бессилия: не замечать того, что нельзя предотвратить; ни индивид, ни общество не находят в себе достаточно прочности, чтобы признать смерть. Для приручения смерти необходима была вера во зло, устранение одного вернуло другое в состояние первоначальной дикости» [3; 11].

Современное общество воспринимает старение, смертельные болезни и умирание как полное пора-

жение и болезненное непонимание ограниченности наших возможностей управлять природой. С точки зрения присущей нам философии прагматизма, подчеркивающей значение достижений и успеха, умирающий человек является потерпевшим поражение. Религия способна быть значительной поддержкой для него, но в Европе в значительной степени она утратила свою ценность. Прагматическая житейская ориентация и материалистическая внутренняя установка пришли на смену религиозному горению. За небольшим исключением, западные религии уже не играют существенной роли в жизни, низведены до уровня формальных обрядов и утративших внутренний смысл церемоний [6; 11].

Страх смерти, испытываемый людьми, обычно связывается с осознанием ими траектории жизни. В отличие от животных, человек знает о своей смертности, о том, что рано или поздно ему придется пережить прекращение биологического существования. Взгляд на мир, выработанный наукой, базирующейся на материалистической философии, усиливает тяжесть положения умирающего. Ведь, согласно такому подходу, за пределами материального мира ничего не существует. Воспринимать реальность могут лишь живые организмы с функционирующими органами чувств. Сознание же рассматривается как продукт деятельности мозга и, следовательно, полностью зависит от его целостности и нормальной работы. Физическое уничтожение тела и мозга есть необратимый конец человеческой жизни [6].

Итак, изучив отношение к смерти с точки зрения психологии, культурологи и религии, можно говорить о том, что важность танатологических исследований возрастает, в том числе и в связи с религиозно-культурологическим аспектом. Сама мысль о смерти в значительной мере индивидуальна, это обусловлено разными обстоятельствами, в их числе социальные условия, особенности, которые трактует вера, к которой принадлежит личность, а также переосмысление ею различных религиозных догм.

Формирование отношения к предельному жизненному понятию «смерть» обуславливается следующими факторами: внезапность (насколько продолжительной была болезнь или же к смерти привел несчастный случай); отношение родственников (то, как складываются взаимоотношения родственников с умирающим человеком и друг с другом, влияет на успешность прохождения ими стадий приспособления к мысли о смерти); религия (принадлежность к той или иной вере влияет на отношение человека к смерти через представления конкретной религиозной системы о смерти); возраст (очевидно, что люди разного возраста по-разному воспринимают смерть и по-разному относятся к ней).

Насколько отлична жизнь, настолько же отлична и смерть, а также страхи и переживания, связанные с ней.

Литература

1. Альмедер, Р. Реинкарнация. Жизнь после смерти / Р. Альмедер. – М., 1991. – С. 230-248.
2. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М., 1992. – 197с.
3. Байер К. Здоровый образ жизни / К. Байер, Л. Шейнберг. – М.: МИР, 1997 – 368с.
4. Ваганов, А. Г. Вечная память / А. Г. Ваганов // Вопросы психологии. – М., 2000. – № 1.
5. Гаврилова, Т. А. Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога / Т. А. Гаврилова // Прикладная психология. – 2001. – № 6. – С. 1-6.
6. Гроф, С. Человек перед лицом смерти / С. Гроф, Дж. Хэлифакс. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. – 246 с.
7. Гуревич, П. С. О жизни и смерти. Жизнь земная и последующая. Сборник / П. С. Гуревич. – М., 1991. – С. 401-412.
8. Демичев, А. В. Фигуры танатоса / А. В. Демичев. – СПб., 1991. – 213 с.
9. Дубровина, Н. И. "Посмертный опыт" или "вспышка пережитого"? / Н. И. Дубровина // Человек. – 1991. – № 2.
10. Калиновский, П. П. Последняя болезнь, смерть и после / П. П. Калиновский. – М., 1991.
11. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб., 2000. – 987 с.
12. Лаврин, А. Хроники Харона. Энциклопедия смерти / А. Лаврин. – М., 1993 – 509 с.
13. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. Болезнь. Смерть. – М., 1995. – 510 с.
14. Моуди, Р. Дальнейшие размышления о жизни после жизни / Р. Моуди. – Киев, 1999 – С. 25-61.
15. Моуди, Р. Жизнь после жизни. По ту сторону смерти / Р. Моуди. – М., 1994. – С. 70-76.
16. Моуди, Р. Жизнь после жизни / Р. Моуди. – Лен-издат, 1991 – С. 90.
17. Психология среднего возраста, старения, смерти / под ред. А. А. Реана. – М., 2003. – 384 с.
18. Райгородский, Д. Я. Психология зрелости. Хрестоматия / Д. Я. Райгородский. – Самара, 2003.
19. Рассел, Б. Есть ли жизнь после смерти / Б. Рассел // Интернет: <http://tvasm.i-connect.com/atheism>.
20. Танатология (учение о смерти) / под ред. Решетникова М. М., Белкина А. И. – СПб., 1994. – 380 с.
21. Федорова, М. М. Образ смерти в западно-европейской культуре / М. М. Федорова // Человек. – № 5. – М., 1991.
22. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.
23. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М., 1999. – С. 34, 139.

УДК 159.2+616.89

А. В. Полетаева

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ОТДАЛЕННОМ ПЕРИОДЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

Сегодня проблема психологических последствий травматического опыта приобретает особую значимость в связи с ростом в различных регионах планеты антропогенных катастроф, «горячих точек» и террористических актов. Подобные события оказывают беспрецедентное по своим последствиям воздействие на человека, откладывая отпечаток на протекание всех психических процессов, имея тенденцию со временем закрепляться, переходя в личностные свойства и приводя впоследствии к необратимым изменениям личности. К числу наиболее значимых негативных психологических последствий влияния травматического события на человека относится развитие посттравматического стрессового расстройства личности (ПТСР).

Распространенность посттравматического стресса неодинакова в разных популяциях в различные периоды времени и зависит от частоты травматических событий. По данным исследований [4], в 90-е годы показатели частоты возникновения ПТСР существенно возросли. Если в 80-е годы они составляли 1 – 2 % от общей популяции, то в недавних исследованиях, опубликованных в США, они соответствуют 7,8 %. Можно полагать, что в России в связи с продолжающимся ухудшением социально-экономического положения с постперестроечного периода, массовым обнищанием целых слоев населения, крайне не-

стабильной социально-политической обстановкой, ростом преступности, эти показатели значительно превышают зарубежные. В этой связи объектом для исследования ПТС может выступать не только лица группы риска по развитию травматического стресса (участники военных действий, беженцы, бывшие заложники), но и люди, не относящиеся к числу потенциально подверженных негативному влиянию травматических событий.

До сих пор изучению роли смысловой сферы в переживании травматического события уделялось недостаточно внимания. И все же к настоящему моменту уже существует немало исследований, в которых содержится прямое или косвенное подтверждение связи кризисных состояний личности с особенностями ее смысловой сферы [1-3; 5; 6; 8]. Еще В. Н. Мясисев [6] высказывал мысль о том, что в психогениях патогенную причинную роль имеют нарушения отношений, понимаемые им как целостная система индивидуальных, избирательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Б. В. Зейгарник предполагала, что некоторые особенности личности, в том числе глубина и устойчивость ценностных установок, ориентация, способны воспрепятствовать разрушительному влиянию многих болезненных со-